

И. В. СЕМЕНЕНКО-БАСИН

НОВОМУЧЕНИКИ РОССИЙСКИЕ: СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА*

Многотомное собрание житий, составленное по календарному принципу (жития располагаются по дням памяти), послужило развитием и продолжением предыдущих работ игумена Дамаскина в области агиографии XX века¹. Собираение сведений о жертвах революции, гражданской войны, советского государственного террора теснейшим образом связано с процессом церковной канонизации. Напомню, что в 1981 г. новомученики были прославлены собором епископов Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), а после 1991 г. канонизации новомучеников начались и в Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ-МП). Наконец, большая группа жертв коммунистического режима была прославлена собором РПЦ-МП летом 2000 г. Среди них мы найдем не только священнослужителей, но также и мирян, мужчин и женщин. После 2000 г. список святых, включённых в собор новомучеников и исповедников, пополняется решениями Синода РПЦ-МП по представлению Комиссии по канонизации святых. Крупнейшие базы данных о христианах-новомучениках сформированы Православным свято-тихоновским гуманитарным университетом и фондом «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».

Обширный материал, обработанный игуменом Дамаскиным для многотомника в соответствии с требованиями агиографического жанра, обращает наше внимание к проблемам, связанным с концептуальным полем термина *новомученик*².

* Рец. на кн.: Жития новомучеников и исповедников российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Тверь, 2005–2007. Тома «Январь», «Февраль», «Март», «Апрель», «Май» (издание продолжается).

¹ Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992–2002. Кн. 1–7; Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии / Под общ. ред. митр. Ювеналия. Тверь, 2002–2006. Т. «Январь-Май» – «Декабрь»; Том дополнительный, ч. I–IV.

² Исследования лингвистов в области религиозной лексики современного русского языка убеждают в наличии обширного поля, в котором язык религии

Своим появлением термин *новомученик* обязан не социальным катастрофам XX в., но мученичеству за Христа в греко-славянском православном мире, заключенном в границах Османской империи. В современной литературе термин *новомученик* может без пояснений относиться к реалиям церковной жизни на христианском Востоке XV–XIX вв.³ Благодаря современным исследованиям феномена христианского мученичества Нового времени стала очевидна предпосылка массового свидетельства ценой собственной жизни, а именно — своеобразная духовность мученичества, особая религиозность мучеников⁴.

Н. Е. Емельянов, много лет изучающий агиографию российских новомучеников XX века, справедливо характеризует планомерное уничтожение верующих, происходившее в СССР, как геноцид, то есть преступление, направленное на уничтожение — полностью или частично — какой-либо национальной или религиозной группы⁵. В такой ситуации духовность мученичества выражалась, в частности, и в посмертном почитании жертвы террора в общинах верующих (именно эти локальные культы и были институционализированы посредством канонизационного акта РПЦЗ в 1981 г.). В послевоенные годы в русской диаспоре было издано несколько книг о жертвах антирелигиозного террора; особую известность заслужил двухтомник, написанный священнослужителем РПЦЗ, протопресвитером Михаилом Польским, и изданный в США в 1949–1957 гг.⁶ Большое значе-

соотнесен со светским дискурсом. (См.: Булавина С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику. Автореферат дисс. ... канд. филолог. наук. Воронеж, 2003; Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка). Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2004). Более того, сегодня религиозно-церковная терминология становится фактором, влияющим в нашем обществе на восприятие прошлого.

³ *Vaporis N. M. Witnesses for Christ: Orthodox Christian Neomartyrs of the Ottoman Period, 1437–1860. Crestwood, New York, 2000.*

⁴ *Gregory B. S. Salvation at Stake: Christian Martyrdom in Early Modern Europe. Cambridge, Mass., 1999. [Harvard Historical Studies, vol. 134]. P. 101.*

⁵ *Емельянов Н. Е. Дни особого поминовения пострадавших за Христа // XVII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2007. Т. 1. С. 312.*

⁶ *Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. Jordanville, 1949–1957. Т. 1-2.*

ние для агиографии имели труды другого беженца, оказавшегося за пределами СССР, профессора И. М. Андреевского, подготовившего объёмный труд о святых «катакомбной» Церкви в России⁷.

В советской России диссиденты из числа церковных людей часто обращались к теме мученичества, происходило это и до церковного прославления новомучеников в РПЦЗ. В мае 1975 г. священник Глеб Якунин, Виктор Капитанчук и Лев Регельсон направили обращение к Московскому патриарху Пимену Извекову, предстоятелям Православной церкви в Америке, РПЦЗ, Православной архиепископии русской традиции во Франции⁸. Авторы письма предложили преодолеть исторические разделения сообществ посредством совместного прославления новомучеников, изучения их подвига, распространения их церковного культа. Четыре года спустя, в сентябре 1979 г., священник Глеб Якунин, священник Василий Фонченков, Виктор Капитанчук и Лев Регельсон обратились «к русским православным христианам в отечестве и в рассеянии сущим» с посланием по поводу подготовки канонизации новомучеников в РПЦЗ⁹, поделившись с верующими своими духовными размышлениями.

Казалось бы, в начале девяностых годов Российская церковь не обладала более актуальными символами, нежели образы новых мучеников; тем не менее, в последней четверти XX в. парадоксальным обстоятельством было забвение боли минувших лет. Память о терроре, начавшемся уже в 1918 г., долгое время оставалась сокрытой и неинтегрированной частью общественного сознания. Верующим в конце XX в. еще только предстояло осмыслить феномен новомучеников, пройти своего рода «терапию памяти», разрушить те защитные механизмы, которые долгое время позволяли жить так, «как будто бы жертв не было». На практике лидерам РПЦ-МП пришлось начать прославления новомучеников в лике святых для того, чтобы вернуть их имена в актуальное общественное сознание. По сравнению с традиционной ситуацией зарождения культа святых, всё ока-

⁷ *Andreyev I.* Russia's Catacomb Saints. Lives of the new martyrs. Platina, CA, 1982.

⁸ Установить память российских мучеников // Вестник Русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва, 1975. № 116. С. 192-199.

⁹ К русским православным христианам в отечестве и в рассеянии сущим // Вольное слово: Самиздат. Избранное. Frankfurt/M., 1979. Вып. 35-36. С. 129-138.

залось «перевернуто». Прославлению не предшествовало продолжительное народное почитание умерших, наоборот, зачастую верующие узнавали о мученике только из акта канонизации. Поскольку образ новомученика XX века еще только предстояло открыть, вставала проблема источников.

Прояснение концептуального поля термина *новомученик* в ходе подготовки новых канонизаций породило сложнейшую, едва ли до сих пор разрешённую проблему достоверности документов, отложившихся в результате деятельности репрессивных органов СССР, слежки, доноительства, предвзятого следствия. Материалы, доступные сегодня исследователям, не всегда поддаются однозначной интерпретации: некоторые следственные дела хранят «чистосердечные раскаяния» арестованных, признания в преступлениях, кажущихся поистине фантастическими. Очевидно, что подследственные могли оговаривать себя под пытками, в некоторых случаях невозможно исключить подделку подписей под следственными протоколами. Трудность заключается также в том, что следственные дела во многих случаях являются единственным источником¹⁰. Отмечу также, что в XXI в. значительным препятствием для дальнейших канонизаций новомучеников стало ограничение доступа исследователей к следственным делам осужденных.

Проблемой для церковных писателей и иерархов стало определение границ феномена новомученичества. Известно, что после 1917 г. церковную организацию в России потрясли расколы. Согласно официальной историографии Российской церкви, как РПЦ-МП, так и РПЦЗ, единственной законной властью в 1920-х гг. была иерархия патриарха Тихона. Далее версии церковных историков разнятся; для РПЦ-МП законная преемственность власти после смерти патриарха Тихона была связана исключительно с иерархией митро-

¹⁰ Комплекс проблем, связанных со следственными делами новомучеников, обсуждается в современной научной литературе. См.: Головкова Л. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских // Альфа и Омега. 2000. № 4 (26). С. 206-215; Романова С. Н. «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян. 1937–1938 гг. // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 4-12; Иноземцева З. П. Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника? // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / Под ред. А. Б. Безбородова и др. М., 2005. С. 170-178.

полита Сергия Страгородского, заместителя патриаршего местоблюстителя, ставшего в 1943 г. патриархом. Все епископы и священники, не находившиеся в общении с патриархом Тихоном и митрополитом Сергием, долгое время считались раскольниками.

Священнослужители, находившиеся в оппозиции к РПЦ-МП, напротив, усматривали легитимных преемников патриарха Тихона в лице консервативных противников митрополита Сергия, тех, кто не принял известного *Окружного послания* митрополита Сергия Страгородского и Синода, изданного в 1927 г. Состав этих оппозиционеров «справа» был очень пёстрым. Митрополит Иосиф Петровых со своими единомышленниками в тяжелейших условиях пытался консолидировать церковную группу, получившую в историографии наименование истинно-православной Церкви. Существовали также разрозненные церковные группы, иногда не совсем корректно объединяемые под именем движения истинно-православных христиан. Члены общин, не принимавших иерархию митрополита Сергия, придерживались различных взглядов по церковно-каноническим вопросам¹¹. Кроме того, в СССР, наряду с приверженцами греко-православной церковной традиции, активно действовала церковная группа «обновленцев», начинавшая с декларации радикальных богословских и литургических реформ; поддержка этого сообщества советской властью не была секретом ни для кого.

Участники разделившихся церковных групп и движений зачастую считали друг друга раскольниками и даже еретиками. Во всех разделившихся общинах были свои мученики, так что подготовка канонизации новомучеников выявила важную проблему. Вновь и вновь звучал вопрос: можно ли сегодня канонизировать всех пострадавших священнослужителей и мирян?

При подготовке канонизаций 1981 г. официоз РПЦЗ исключил из числа кандидатов на прославление только приверженцев церковной группы «обновленцев». В числе прославленных в США новомучеников были и члены Синода при митрополите Сергии (митрополит Анатолий Грисюк, митрополит Константин Дьяков, митрополит Михаил Ермаков и др.), и их противники (митрополит Иосиф Петровых, митрополит Кирилл Смирнов, епископ Виктор Островидов,

¹¹ Мазырин А., *свящ.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М., 2006.

епископ Василий Зеленцов и др.). Позднее непримиримые оппоненты РПЦ-МП, отвергающие любые компромиссы со сторонниками Сергия, указывали на это обстоятельство с особым раздражением¹².

Выяснилось также, что проблемой могут быть личные богословские взгляды жертв репрессий. Канонизация святого предусматривает, что он исповедовал всё церковное вероучение. Консервативным иерархам второй половины XX века нелегко было *post factum* выработать взвешенное отношение к такому представителю Серебряного века русской культуры, как священник Павел Флоренский (1882–1937). Выдающийся философ и богослов находился под сильным влиянием символизма и новейших интеллектуальных движений своей эпохи. После продолжительного заключения в соловецком концлагере он был казнён. В 1981 г. в США изображение отца Павла Флоренского поместили было на иконе собора новомучеников и исповедников; вскоре после церковного собора кто-то спохватился, вспомнил в высшей степени оригинальные и новаторские идеи о. Павла... и его изображение на иконе оказалось закрашено. Факт прославления Флоренского замалчивался; вероятно, в данном случае можно говорить о деканонизации святого¹³.

В РПЦ-МП в девяностые годы проблемой отбора кандидатов для канонизации занималась Комиссия по канонизации святых. В 1995 г. Синод РПЦ-МП рассмотрел доклад Комиссии «Историко-канонические критерии в вопросе о канонизации новомучеников Русской Церкви в связи с церковными разделениями XX века»¹⁴. Комиссия пришла к чрезвычайно жёсткому выводу: канонизированы могут быть погибшие до начала разделений в Российской церкви и те, кто, пострадав позднее, находился в церковной иерархии патриарха Тихона – митрополита Сергия. Авторы доклада отказали в канонизации приверженцам церковной группы «обновленцев»; этот принцип неукоснительно соблюдался в последующие годы. О старо-

¹² Русская Зарубежная Церковь на стезях отступничества. Апостасия в РПЦЗ и исповеднический путь Катакомбной Церкви. [СПб., 1998]. С. 54-56.

¹³ В пику интриганам игумен Герман Подмошенский, участвовавший в подготовке прославления мучеников в 1981 г., придал эту историю огласке, в статье о святом Павле Флоренском. *Herman, abbot. Damascene, fr. St. Paul Florensky // The Orthodox Word. 1987. Vol. 23. № 4 (135). С. 195-209, 223-231.*

¹⁴ Канонизация святых в XX веке / Изд. Комиссии Синода по канонизации святых. М., 1999. С. 170-184.

обрядцах авторы доклада не упомянули¹⁵. Сложнее оказался вопрос о консервативных противниках митрополита Сергия. Авторы доклада пришли к выводу, что «труден, но не исключает положительного решения» вопрос о канонизации тех, кто, не признавая Сергия, не создавал при этом «параллельный церковный центр», т.е. альтернативную иерархию (такой «параллельный центр» представляла собой истинно-православная Церковь). В 2000 г. на соборе РПЦ-МП в числе новомучеников были канонизированы многие оппозиционеры «справа»; впрочем, среди новопрославленных нет митрополита Иосифа Петровых, которого вполне можно считать создателем «параллельного церковного центра» (он был канонизирован РПЦЗ в 1981 г.). Таким образом, в 2000 г. идентичность Московского патриархата подверглась переформатированию, вобрав целый спектр явлений, еще сравнительно недавно казавшихся «трудными».

В именном перечне собора новомучеников, прославленных в 2000 г., напрасно искать жертв позднего периода, например, Бориса Владимировича Талантова, скончавшегося в тюремной больнице в Кирове в январе 1971 г. и канонизированного РПЦЗ в составе собора новомучеников и исповедников¹⁶. Среди канонизированных святых, с учётом всех дополнений в именном списке собора, вносившихся в течение 2000–2006 гг. решениями Синода РПЦ-МП, есть только два человека, умерших в 1970-х гг.: архимандрит Леонтий Стасевич (1884–1972), исповедник, и протоиерей Петр Чельцов (1888–1972), исповедник. Оба неоднократно арестовывались и провели долгие годы в заключении. Первый был досрочно освобождён в марте 1955 г.¹⁷, второй — в ноябре 1955 г.¹⁸, после чего оба служили на-

¹⁵ В 2001 г. собор Русской православной старообрядческой церкви (белокриницкой иерархии) прославил священников и мирян, жертв репрессивной политики советского режима; аналогичные канонизации состоялись в 2004 и в 2007 гг. в Русской древлеправославной церкви (новозыбковской иерархии). Подробнее см.: *Семенов-Басин И. В.* Канонизация святых в старообрядческих церквях России // *Религиоведение*. 2008. № 3. С. 28-38.

¹⁶ *Левитин-Краснов А. Э.* Воспоминания. Часть IV: Родной простор. Демократическое движение. Frankfurt/M., 1981. С. 292-300; *Останин Е. С.* Дело Б. В. Талантова // *Проблемы истории российских спецслужб* / Отв. ред. В. А. Бердинских. Киров-Вятка, 2004. С. 123-130.

¹⁷ Леонтий (Стасевич Лев Фомич) // *Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века* [http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html?ans], заимствовано 12.06.2009.

стоятелями сельских приходов. Можно предположить, что церковные власти РПЦ-МП выбрали в качестве грани, отделяющей время гонений от более благополучной эпохи, смерть И. В. Сталина.

Второстепенный, казался бы, вопрос о хронологических границах феномена новомучеников в действительности имеет большое значение для прояснения концепта *новомученика*. В идее прославления новомучеников в РПЦЗ присутствовал определённый психологический заряд: священнослужителям РПЦЗ важно было заявить о непрекращающихся гонениях, о непрерывной истории мученичества в России, столь же долгой, как и владычество коммунистической партии. Прославление новомучеников и исповедников в РПЦ-МП проецирует иные смыслы, локализуя эпоху страданий примерно до половины столетия. В таком случае коммунистический режим сам по себе уже не маркируется в качестве религиозного апокалиптического события, как это представлялось церковным писателям РПЦЗ.

Состояние проблемного поля *новомучеников XX века* адекватно отражает жизненный опыт и внутренние коллизии человека постсоветской России. Мы вправе говорить не только о неудачах в артикуляции образов прошлого, но даже о простой недодуманности. Стоит ли удивляться, что на «краях» современной российской агиографии рождаются такие экзотические феномены, как стихийные культы царя Ивана Грозного или генералиссимуса И. В. Сталина¹⁹.

Для Российской церкви новомученики по-прежнему остаются наиболее актуальными фигурами. Поскольку их прославление обнаружило проблемы актуального культурного сознания, обращение к этой теме может оказаться чрезвычайно плодотворным для будущих исследователей. В XXI веке истории новомучеников, вновь рассказанные историками-исследователями и церковными агиографами, сыграют свою роль в процессе очищения национальной памяти.

¹⁸ Чельцов Петр Алексеевич // Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века [http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html?ans], заимствовано 12.06.2009.

¹⁹ К вопросу о канонизации царя Ивана Грозного и Григория Распутина. Серпухов, 2006; Фирсов С. Л. Псевдоправославная мифология в России. (К постановке проблемы) // XVII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2007. Т. 1. С. 313-320.